

Медное

«Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой, люли, люли, люли, люли...» Хоровод молодых баб и девок – пляшут – подойдем поближе, говорил я сам себе, развертывая найденные бумаги моего приятеля. – Но я читал следующее. Не мог дойти до хоровода. Уши мои задернулись печалию, и радостный глас нехитростного веселия до сердца моего не проник. О, мой друг! где бы ты ни был, внемли и суди. Каждую неделю два раза вся Российская империя извещается, что Н.Н. или Б.Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял, или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про... или раздарено, потеряно в огне или воде, или Н.Н. или Б.Б. другими какими-либо случаями вошел в долг или под взыскание. То и другое наравне в ведомостях приемлется.

– Публикуется:

“Сего... дня пополудни в 10 часов, по определению уездного суда или городского магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г... недвижимое имение, дом, состоящий в ... части под N... и при нем шесть душ мужского и женского полу; продажа будет при оном доме. Желающие могут осмотреть заблаговременно”».

А.С.Пушкин прочел главу «Медное», в которой рассказано о продаже семьи вместе с недвижимым имуществом, ужаснулся, и на этот раз согласился с Радищевым «поневоле».

Действительно, в этой главе Радищев писал о фактическом рабстве, в котором находились крепостные, приводил наглядный пример их бесправия и безысходности.

«Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой, люли, люли, люли, люли...» Хоровод молодых баб и девок...» – примерно такую картину я ожидал увидеть в Медном: какие-то зримые сюжеты из прошлого или хотя бы то место, где некогда кружил девичий

хоровод. Вместо этого в центре деревни я увидел огромный типовой двухэтажный магазин. Напротив этого магазина – памятник Ленину. Здесь он не «зовущий», не «призывающий», а спокойно шагающий, вроде как революцию уже совершил и надо бы заняться делом социалистического строительства. Далее расположены местная «Комната милиции», пожарная часть, швейное ателье «Радуга» и медновская библиотека. Между милицией и пожарной частью находятся обгоревшие развалины старинного кирпичного двухэтажного здания. В нем некогда располагалась почтовая станция, где останавливались в свое время Радищев и Пушкин. Здание сгорело год назад, но его, видимо, уже никогда не восстановят.

На этой же центральной медновской улице находится и Дом культуры, разместившийся в бывшей церкви. В нем не раз выступал перед солдатами знаменитый тенор Сергей Лемешев, родом из этих

мест. В 1941 году Медное было четыре дня в оккупации, и мне рассказывали, что многих жителей согнали в этот самый Дом культуры, заперли, и если бы не подоспевшее контрнаступление, то наверняка всех бы сожгли. В Медном есть памятник воинам, погибшим в Великую Отечественную войну.

Вернемся, однако, к нашим путешественникам и теме рабства, которую столь серьезно затронул в этой главе А.Н.Радищев.

Классического рабства, такого как в Древнем Риме или Древней Греции, на Руси не существовало. Рабство наше, как и все остальное, было специфическим. Был царь, а у него уже все были холопами, рабами и чем угодно. Да и сами цари, помимо рабов божьих, считали

себя еще и рабами обстоятельств, предрассудков, традиций и всеобщей безысходности. Народ же всегда хотел на волю, не задумываясь особенно, что это такое. Поэтому, едва на эту волю выбравшись, люди наши не знали, что им делать дальше, и пускались во все тяжкие. Сама история «освобождения» нашего народа весьма занимательна.

Сначала покончили с позорящим страну крепостным правом. Покончили «сверху» и не спеша – последний крепостной освобожден был в 1909 году, – под нажимом передовой общественности. Не успели освобожденные ощутить достоинства своей свободы, как народ наш «освободили» еще раз. Теперь от векового рабства и деспотии, но уже не под нажимом передовой общественности, а сама передовая общественность и освободила. С тех пор человечество раскололось. Одна его часть так и осталась «человечеством», а другая, к которой посчастливилось принадлежать нам, стала именоваться человечеством «прогрессивным», и мы на протяжении десятилетий могли время от времени слышать: *«Вчера, всё прогрессивное человечество проводило в последний путь такого-то...»* Но внутри нашего человечества, пусть и считавшегося прогрессивным, все же возникали классовые противоречия и своя внутривидовая объективная борьба. В результате этих противоречий весь рабочий люд, иначе пролетариат, стал именоваться «передовой частью всего прогрессивного человечества». А поскольку руководила пролетариатом коммунистическая партия, то партия эта справедливо была собою же названа «авангардом передовой части всего прогрессивного человечества»... Шли годы. Десятилетия... Могилы презренных врагов народа зарастали чертополохом и бурьяном, и уже казалось, что вот-вот будет достигнуто заветное... Как вдруг выяснилось, что и внутри авангарда не все в порядке, оказалось, что и здесь есть отстающие, тянущие назад или, того хуже, увлекающие вроде бы вперед, но не туда... Так из «авангарда передовой части всего прогрессивного человечества» выпестовалось и выкристаллизовалось известное «марксистско-ленинское ядро», между тем как народ зажил, как ему казалось, еще вольнее, еще свободнее... Трудно было представить нечто более сплоченное, монолитное и единомышленное, чем упомянутое «марксистско-ленинское ядро». Однако эта всепобеждающая и жизнеутверждающая идиллия нуждалась в

корректировке. Опять-таки под напором передовой общественности, мирового сообщества и объективных обстоятельств. Да, искренне думали и считали, что все идет как надо, как предписано классиками. Ну и что? Физики тоже долгое время считали, что ядро атома единое и неделимое, а пригляделись – увидели там и протоны, и нейтроны, и еще бог знает что. И всё бы ничего, смирились бы, но... одни частицы оказались «положительными», а вот другие... То же самое и с «ядром марксистско-ленинским» – живем ведь с физиками в одном пространстве, по одним законам... Выяснилось, что отрицательных частиц в «ленинском ядре» намного больше, да что там – оказалось, что они там чуть ли не все отрицательные. И потому уже внутри ядра нашлись силы, провозгласившие новый курс и выдвинувшие лозунг: «Надо перестраиваться!» Эти силы были скромно аттестованы собою как «здоровые»... Сомневающийся может посмотреть прессу тех дней и без труда обнаружить эту замечательную дефиницию. Так и писали: *«Нашлись внутри партии здоровые силы, которые...»* Еще свободнее вздохнул народ, еще радостнее и веселее стала его жизнь. Ну, думалось, наконец-то... Как, вдруг, обнаружилось, что силы эти вовсе не «здоровые», а совсем наоборот. Выяснилось, что «авангард» на самом деле не строил, а разваливал страну, держал в страхе и обмане людей, уничтожал их, а настоящую передовую общественность в лучшем случае выгонял из страны. Оказалось, что действительный «авангард» был совсем в другом месте, как, впрочем, и «передовая часть». Да и «прогрессивное человечество», как стало известно, кто угодно, только не мы. Оказывается, когда в 1917-м освобождали народ от векового рабства и деспотии, то на самом деле его как раз в рабство и загоняли. А то, что было тогда названо «вековым рабством», – на самом деле, как выяснилось, было «вольной и сытной мужицкой жизнью». То, что массы выводили рукой: *«Мы не ра-бы, ра-бы не мы!»*, – ни о чем не говорит, потому что их рукой водили большевики. Сам бы кто до такого додумался? Одним словом, выяснилось, что мы не впереди планеты всей, как казалось, а по уши в дерьме, как было на самом деле. И вот теперь, когда жителям Медного и всем прочим в России по телевизору об этом объяснили представители настоящей передовой общественности, – все наконец-то прояснилось, а дышать стало еще

свободнее... И всё бы обошлось, если бы этими объяснениями дело закончилось. Но на этот раз людей действительно освободили. Всех от всего и сразу!

К таким вот «освобождённым» я и направился в Медном. В трикотажное ателье «*Радуга*», имеющее сегодня статус Общества с ограниченной ответственностью. Это ателье находится рядом с обуглившимися историческими развалинами и, значит, к путешественникам нашим имеет прямое отношение.

Заведующая ателье, Татьяна Николаевна, пятидесяти пяти лет, работник опытный и потому, на всякий случай, посоветовала дойти до медновской администрации. Затем всё же стала отвечать на вопросы, видя, что начальство меня интересует мало, а сам я не произвожу впечатления засланного налогового инспектора.

Из ответов стало ясно, что после приватизации некогда мощную тверскую службу быта, к которой принадлежало ателье «*Радуга*», продали с молотка. Кто половчее – успел что-то ухватить и теперь неплохо живет, а они в деревне остались лишь со своим оборудованием, помещением и персоналом в восемнадцать человек. Это, конечно, для начала бизнеса немало, и какой-нибудь молодой начинающий Рокфеллер из этого сколотил бы капитал. Но то Рокфеллер, а здесь...

Продукция ателье – трикотажные жакеты, свитера, юбки, кофты, детские вещи. Раньше, когда предприятие обслуживало целых четыре близлежащих района, сюда поставляли пряжу, фурнитуру, существовал план, были специальные сбытчики продукции. А сейчас у работников ателье вместо этого – та самая свобода, которую желали, о которой мечтали и за которую боролись многие поколения.

– Всё теперь зависит от нас, – говорит Татьяна Николаевна. – Была плановая система, мы с ней жили, как могли – работали, затем её вмиг развалили. Но чтобы перейти к рынку нужен не один десяток лет. Надо научить людей жить самостоятельно, дать нам время на то, чтобы понять, что произошло, как быть дальше. Вот нас отсоединили от Твери. Ни рубля в кармане, ни сырья, ни транспорта, ничего... Свобода! Пряжу сейчас можно купить только в Москве, а машина туда-обратно обойдется в четыреста тысяч. Для нас это слишком большие деньги.

Дешевле уж своим ходом: по две сумки в руки и вперед. Заказы сейчас почти не поступают. У людей в Медном нет денег, а появляются – так им не до трикотажа. У нас все организации сельскохозяйственные встают. Птицефабрика, совхоз – всё на грани банкротства. Сейчас остановился инкубатор – а без него какая птицефабрика? Продают птицу, цеха закрывают. Быть безработице. В совхозе люди работают на голом энтузиазме. Денег совсем не платят. Выдают кое-какие продукты и все. Пенсионеры по три месяца не получают пенсии... Старушки, вон, ходят, плачут. Хорошо, если есть силы чего-то прихватить, в лес сходить, ягод набрать. Вот они яичками на дороге торгуют, яблочками, чтобы было хотя бы на хлеб. Пищу еще как-то люди берут, а одежду нет. Какие у нас могут быть сейчас заказы? Сейчас вот неделю работаем, две – стоим. За сентябрь произвели и продали товара на восемь с половиной миллионов рублей. Из них шесть с половиной заплатили налогов. Вот и все. Осталось немного на зарплату, на сырье и на электроэнергию

– А может, налоги как-то можно обойти? – спросил и вместе с тем посоветовал я заведующей ателье.

– Да вы что! – изумилась Татьяна Николаевна. – Налоги – это самое главное. Их в первую очередь надо сдавать. Это по

телевизору показывают, как крупные предприятия не платят. А мы – платим. И остается у меня меньше двух миллионов. На восемнадцать человек! Отсюда и наша зарплата: самое большее – двести тысяч.

К разговору подключается Галина Викторовна, технолог ателье:

– Вы нам про рабство говорили, про Радищева. А мы сейчас свободны? Молодежи работать негде. Они или ринулись в торговлю,

или сидят безработные. Заканчивают училища, техникумы, институты – и болтаются. Да и учеба сейчас вся платная. Мы от своей организации никого не можем отправить на повышение квалификации. А ведь это важно – научиться вести дело или хотя бы знать законы. Мы ведь ничего не знаем. Даже газету экономическую не под силу выписать. Смотрим только телевизор. И что видим? Судьи не получают зарплату, милиции нечем платить, армия сидит без денег... У них есть сила, оружие – и то им не платят, а что про нас говорить? Может, в городах лучше? Так нет, в Твери «Вагонзавод» – встал. И все крупные предприятия тоже стоят. «Центросвар» – стоит. Хлопчатобумажное предприятие у нас большое – тоже стоит...

Галину Викторовну спешит дополнить Татьяна Николаевна:

– Сельское хозяйство развалили. Если и выживают, то за счет старой техники. Землю ведь никто не берет, потому что на ней работать тяжело, сложно и нечем. Здесь есть деревни, где всего по одной лошади... Развалить развалили, а как дальше жить – никто не подсказал. Вон, они друг друга грязью поливают и больше ничего не могут. Что при коммунистах было, что сейчас... У меня дети и внуки оказались за границей, в Виннице. Прошлым летом приезжали, а на будущее лето внуку будет шестнадцать лет. Уже нужен паспорт и деньги. Не знаю, увидимся когда-нибудь или нет. А ведь жили одной семьей...

Разговор, проходящий в высоком темпе, продолжила Галина Викторовна:

– На то, чтобы воевать, деньги есть. Как можно при нашем-то положении воевать в Чечне? А на выборы президентские сколько ушло? А теперь еще в каждой области выборы. Триллионы уходят в песок, а толку? Вот сейчас на выборы, говорят, ушел весь районный бюджет, а детские пособия с марта не выплачиваются.

– А богатые в Медном есть? – спросил я собеседниц. Отвечают обе, но ответ тут же сворачивают:

– А как же? Начальство, уголовные авторитеты. У них и квартиры, и дома, и машины... Своя рука – владыка! Все эти торговые предприниматели людей на работу не оформляют, никакой гарантии за зарплату, за будущее не дают: сегодня ты работаешь, а завтра они тебя выкинут. И некуда пойти жаловаться. Вот вам и свобода.

– Что же будет с Медным? – спросил я обреченно.

Ответили сразу:

– Что будет со страной, то будет и с Медным.

Ну а что будет со страной – один Бог знает...

Перед тем как попрощаться, я попросил показать продукцию ателье и был удивлен её качеством. Оно не шло ни в какое сравнение с импортным барахлом, коим забиты наши большие и малые магазины. Стоимость добросовестно связанного толстого свитера с большим процентом шерсти – девяносто пять тысяч рублей. Цен таких в Москве уже давно нет. Поэтому я один свитер купил, а еще несколько заказал для своих друзей, не сомневаясь, что удивлю их качеством, но еще больше тем, где эти свитера изготовлены. Забрать готовую продукцию надо было через две недели. С тем и покинул ателье.

Когда в оговоренный срок вернулся, то, к своему огорчению и удивлению, обнаружил, что заказ мой остался невыполненным. К удивлению, потому что был уверен: они разобьются, но свитера свяжут. Это же, помимо прочего, – полмиллиона рублей!

Что же я услышал?

*«Нету пряжи... Нету транспорта...
Нету еще чего-то...»*

Что же со всем этим делать? Что делать с людьми, миллионами людей, которые, получив свободу, тяготятся ею, мучаются и готовы (и даже рады!) вновь войти в оковы к тому, кто будет опять чего-нибудь «давать»: работу, колбасу, зарплату, квартиру... То есть – «свободу», какой они её понимают.

Все-таки интересно: о чем думают наши властные реформаторы, когда говорят о свободе и демократии? На что надеются, провозглашая идеалы прямо противоположные тем, которые веками внедрялись этим же государством в сознание народа? Подумал ли кто, прежде чем самонадеянно провозгласил толпе: «Свободны!»?

И ведь не просто провозгласили, а действительно освободили. Точнее, сами освободились, отпустив людей на все четыре стороны. И вот раньше народ наш был в рабстве у коммунистов, а теперь – в рабстве у свободы. Так у коммунистов хоть что-то было. Коммунистическое рабство исправно осуществлялось и поддерживалось его полномочными представителями. Эпоха террора, тотального насилия и лжи вытравила из людей даже маломальские представления о свободе. Тысячелетний страх, сконцентрированный государством в душах последних двух-трех поколений, сделал эти души рабскими и покорными на десятилетия вперед. Этот же страх, в соединении с абсолютной ложью, предопределил идиллическое сосуществование жертвы-народа и его палача-государства. Работник какой-нибудь медновской трикотажной фабрики если и не был членом партии или комсомольцем, то «охваченным» был несомненно. А уж членом профсоюзов был обязательно. На его предприятии обязательно праздновались Первое мая, День Победы, годовщины Октябрьской революции, отмечались встреча Нового Года, Международный женский день, а также профессиональный праздник – скажем, День работников сферы обслуживания. Все эти даты отмечались не только официозными взятиями на себя повышенных обязательств, но и концертами художественной самодеятельности, танцами и вполне пристойными застольями с начальством во главе. Профком чего-нибудь подбрасывал: то шапки кроличьи, то мандарины, то дрожжи... Бывало, давали дешевые и даже бесплатные путевки в санатории. А Доски почета с «лучшими людьми», думаете, пустой звук? А еще был комсомол, который тоже чего-то устраивал. «Охваченная» молодежь ходила в походы по местам боевой славы, устраивала конкурсы художественной самодеятельности и спортивное соревнование, боролась с пьянством и хулиганством. Была еще и пионерия, и шефская работа в школе, и все такое прочее, что, несмотря на показуху, каким-то образом организовывало жизнь людей и не давало особенно горевать по поводу своего рабства. При всей нашей просвещенной ненависти к прежнему режиму, который принято называть «коммунистическим», давайте зададимся вопросом: сколько людей находилось с ним в непримиримой вражде? Не будем лукавить. В России власть ненавидят всегда.

Ненавидели и власть коммунистов. Но в конфликте с властью большинство людей (советских людей!) не находились. Главным образом к ней относились равнодушно. Теперь же равнодушия меньше, чем ненависти. И, согласитесь, ненавидеть есть за что. Хотя бы за то, что власть презирает людей. Для коммунистов люди были «человеческим фактором», для нынешнего начальства – людей, кажется, нет вовсе. Пенсионеры жаловались, что им не платят пенсии, что в селе сгнили колодцы, не работают водопроводные колонки. Приходится за километр старушкам носить воду. Рассказали, как всем миром строили колодец: собрали деньги, а потом вручную, как могли, выкопали. Теперь к этому колодцу со всех улиц приходят за водой. В Медном нет бани, и лишь фундамент уже лет десять стоит. А что такое баня для этой деревни? Свои, домашние, бани строили в основном в тех деревнях, где не было общественной. Зачем частное, когда имеется общее? И вот, баня в Медном разрушилась, а новую никак не построят. Старушки жалуются, что им приходится мыться в тазике, а в тазике какое мытье? Грех один – как писал когда-то Зощенко. В районной газете «Ленинское знамя» глава медновской администрации сообщил корреспонденту, что «летом люди еще как-то обходятся, а вот зимой – говорит – будем их возить в село Романово, где баню скоро отремонтируют». Автобусом обещает помочь какое-то местное Акционерное Общество Закрытого Типа, а спонсоров, для доставки жителей в соседнее село на помывку, глава обещает найти сам. Так что не все так плохо, и перспектива есть. Кстати, надо подсказать начальству: может, в селе Романово нет такого, чего в избытке в Медном? Пусть, пока одни моются, другие на этом же автобусе сгоняют в Медное. Чем не интеграция?

А пока одна старушка, не по годам бойкая, сказала: «Твоего бы Ельцина в этот тазик головой засунуть, вместе с Черномырдиком, и пусть они там моются».

Но, что Ельцин? Он и ходить-то не может. Взяли бы, старушки, да и построили себе сами баню. Колодец как-то вырыли – и ничего, воду хвалят. А так – проблемы занятому руководству создают, спонсоров искать заставляют. Ну какие спонсоры на помывку старух, когда даже на Эрмитаж денег никто не дает!

Пока мы разговаривали, прибежала еще одна старушка и скороговоркой прошептала, что «приехала лавка и привезла масло в бутылках и соль», и потому надо скорее идти и брать.

– Что? – спрашиваю. – В магазине соли нет?!

А она мне, непонимающему, отвечает:

– В магазине-то есть, милоч, но там она стоит тысяча сто рублей за пачку, а тут – всего тысяча.

Вот так, за сто рублей они идут в другой конец деревни покупать соль. Потому что сто рублей для них значат очень много.

«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас».

Но некуда им идти. В Медном нет церкви. А до ближайшей – далёко. Двое стариков, дедушка с бабушкой, которых я встретил на мосту через реку, сказали: «Мы-то, пока живые, еще ничего, потерпим, а вот умрем – как без церкви?»

С моста через Тверцу открывается очень красивый вид на Медное. Проезжающем у путнику – особенно когда солнце и хорошая

погода – проблем медновских не видать. На другой стороне Тверцы – широкий пологий берег, там же – деревенское кладбище, а еще дальше – густой лес. Сюда медновские жители ходят по ягоды и грибы. Вот здесь, на берегу, кружил девичий хоровод, где-то здесь они пели: *«Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли...»*